
Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-44-56

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ И ИМУЩЕСТВЕННОЙ СТРАТИФИКАЦИИ НОГАЙЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Айгуль Темерхановна Джумагулова

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия; Ставропольский государственный педагогический институт (филиал в г. Ессентуки), Ессентуки, Россия, aigul-men@mail.ru, orcid.org/0000-0002-4067-956X

© А.Т. Джумагулова, 2022

Благодарности и финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного гранта № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX вв.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>

Аннотация. Освещается проблема социальной и имущественной стратификации ногайцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. Выявлены факторы, повлиявшие на процесс социальной мобильности ногайских обществ в рассматриваемый период. Сформулирован вывод о том, что трансформация социальных институтов обществ кочевых ногайцев протекала вследствие кризиса экстенсивного кочевого скотоводства и разорения традиционных хозяйственных отраслей ногайцев. Показана роль природно-климатических факторов в этих процессах. Отмечено, что в XIX в., на фоне бедности, охватившей ногайскую аристократию, по причине потери своего основного богатства, скота, высший класс теряет свои привилегированные позиции в обществах. На фоне усилившейся имущественной дифференциации в обществах утверждается социальная группа байства, сумевшая потеснить в социальной структуре общества султанов и мурз и наряду с ними составить обновленную элиту ногайцев. Административное реформирование российскими властями отдельных социальных групп – сеитов, тарханов и ясырей – было направлено на их экономическую интеграцию в социально-экономическую структуру российского государства. На рубеже XIX–XX вв. и в начале XX в. происходят коренные изменения в жизни ногайских обществ. Привилегированные слои населения, вследствие нивелирования значения высших сословий и утверждения власти российских административных институтов власти, полностью утрачивают власть в обществах. На смену традиционного сословного деления приходит имущественная дифференциация разделения общества.

Ключевые слова: Северный Кавказ, ногайцы, кочевники, социальная стратификация, природно-климатический фактор

Для цитирования: Джумагулова А.Т. Проблема социальной и имущественной стратификации ногайцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. // Вестник КБИГИ. 2022. № 4-1 (55). С. 44–56. DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-44-56

Original article

THE PROBLEM OF SOCIAL AND PROPERTY STRATIFICATION OF THE NOGAIS OF THE NORTH CAUCASUS IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Aigul T. Dzhumagulova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia; Stavropol state pedagogical Institute (branch in Yessentuki), Yessentuki, Russia, aigul-men@mail.ru, orcid.org/0000-0002-4067-956X

© А.Т. Dzhumagulova, 2022

Acknowledgements and funding: the research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific grant № 22-18-00313 «Transformation of nomadic societies in the South of Russia in the context of natural and climatic factors (XIX – mid XX centuries)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>

Abstract. The problem of social and property stratification of the Nogais of the North Caucasus in the XIX – early XX centuries is highlighted. The factors that influenced the process of social mobility of Nogai societies in the period under review are revealed. The conclusion is formulated that the transformation of the social institutions of nomadic Nogai societies proceeded as a result of the crisis of extensive nomadic cattle breeding and the ruin of the traditional economic branches of the Nogai. The role of natural and climatic factors in these processes is shown. It is noted that in the XIX century, against the background of poverty that engulfed the Nogai aristocracy, due to the loss of their main wealth, cattle, the upper class loses its privileged positions in societies. Against the background of the increased property differentiation in societies, the social group of the baity is being approved, which has managed to displace the sultans and murz in the social structure of society and, along with them, make up the updated elite of Nogais. The administrative reform by the Russian authorities of certain social groups – seites, tarkhans and yasys – was aimed at their economic integration into the socio-economic structure of the Russian state. At the turn of the XIX–XX centuries and at the beginning of the XX century, radical changes in the life of Nogai societies are taking place. The privileged strata of the population, due to the leveling of the importance of the upper classes and the establishment of the power of the Russian administrative institutions of power, completely lose power in societies. The traditional class division is being replaced by the property differentiation of the division of society.

Keywords: North Caucasus, Nogais, nomads, social stratification, natural and climatic factor

For citation: Dzhumaguloва А.Т. The problem of social and property stratification of the nogais of the north caucasus in the XIX – early XX centuries. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2022; 4-1 (55): 44–56. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2022-4-1-55-44-56

Изучение социальной и экономической стратификации кочевых народов юга России необходимо для обеспечения национально-культурного развития всех населяющих ее народов и дальнейшей разработки научной концепции на региональном уровне. Актуальность исследования детерминирована необходимостью изучения общественно-исторического процесса формирования Российского государства для более глубокого осмысления национальной политики в новых исторических условиях.

Целью публикации является изучение и анализ особенностей социальной и имущественной стратификации ногайцев и их трансформация в XIX – начале XX вв.

Методология исследования основана на общих и специальных методах исследования. В основу работу положен принцип историзма. Содержание источников обусловило применение статистического и сравнительно-исторического методов исследования.

Социально-экономическая стратификация ногайцев Северного Кавказа отражала многочисленные градации социальных институтов и ролей, выполняемых ими в обществах. При этом социальная структура ногайских обществ не всегда совпадала с традиционной сословной системой и нередко приходила в противоречие с ней в XIX – начале XX вв. Социальный статус человека у ногайцев под влиянием различных факторов стал определяться не особенностями привилегированного положения, а его экономическим благосостоянием.

С конца XVIII в. с принятием ногайцами Северного Кавказа Российского подданства начинается процесс их социально-экономической интеграции в российское общегосударственное пространство. К началу XIX в. у ногайцев сохранялось сословное деление, во многом основанное на традициях ногайских обществ, уходявших корнями в золотоордынскую эпоху [Трепавлов 2013: 192–199].

Особенностью социальной стратификации ногайцев было деление на привилегированные и непривилегированные группы обществ. Первый слой представлял собой аристократическую социальную группу людей, имевших большую степень общественной значимости. К ней относились султаны и мурзы. В отличие от ногайских элит простое население характеризовалось открытостью в вертикальной и горизонтальной мобильности социального слоя. К ним относились уздени, кайбаши, асланбеки, азаты и кулы.

С вхождением в состав Российской империи султаны признаются центральными властями высшим дворянским сословием ногайцев и уравниваются в родовом достоинстве с князьями в российской аристократии. За мурзами был закреплён статус дворян [Бентковский 1888: 49]. Подобный шаг лишь утверждает сложившуюся у ногайцев систему. Источниками фиксируются, что ещё в 1608 г. ногайские мурзы вынесли приговор о том, что «владеть ему князю мурзами, а мурзам владети своими улусными людьми» [Акты 1918: 167].

Согласно источникам ногайские султаны, пришли на Кавказ из Крыма и поселились среди местных народов в качестве «почетных гостей». Особенно почитаемы султаны были в среде «соплеменных» им ногайцев [Сословное 2007: 50]. В исторической литературе XIX в. также нет принципиальных расхождений по этому вопросу (Н.Ф. Дубровин, Н.Н. Забудский). Исследователи согласны с тем, что ногайские султаны связаны происхождением с татаро-монгольскими завоевателями. А.П. Берже называет пять султанских родов, встречающихся у ногайцев: 1) Келембетовский, к которому принадлежит фамилия Мансуровых; 2) Карамурзинский; 3) Кипчаковский с фамилией султанов Мамакаевых и князей Абуловых; 4) Наврузовский с фамилией князей Каплановых и 5) Мангитовский [Берже 1859: 503]. Тем не менее, численность султанов у ногайцев была весьма незначительной. К султанам, жившим среди ногайцев относились Шагин-Гирей, Крым-Гирей, Адиль-Гирей, Селим-Гирей, Менгли-Гирей, Сагат-Гирей, Мурат-Гирей и другие. Важно заметить, что некоторые ногайские султаны отличались экономической несостоятельностью, т.к. не все из них имели податное население [РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 434. Л. 107–108].

В истории кубанских ногайцев султаны играли большую роль в общественно-политической жизни, чем среди ногайских обществ, кочевавших по Куме. Общественно-политическая власть у ногайцев, проживавших в бассейне рек Кубани и Урупа, осуществлялась в основном ими [РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 434. Л. 99–108].

С вхождением в состав Российского государства имперская администрация пыталась обеспечить лояльность ногайской знати. С этой целью султанам присваивались воинские звания российской армии, их назначали на административные посты, возводили в потомственное дворянство, признавали их власть над народом [Кочкаев 1969: 9]. Наиболее ярким примером подобной службы была деятельность генерал-майора султана Менгли-Гирея, назначенного на должность ногайского пристава в 1803 г. В 1822 г. за оказанные услуги ему был выделен в потомственное пользование участок земли в 5000 десятин на реке Куме. В подвластных же султан Менгли-Гирей имел всего 1026 ногайских семей (4105 душ) [Джумагулова 2019: 83–92].

К середине XIX в. заметно меняется положение султанов в ногайских обществах. Источниками фиксируются сведения об отстранении их от власти над народом и изменения характера взаимоотношений внутри обществ [РГВИА. Ф. 414. Д. 434. Л. 107–108].

К примеру, 1857 годом фиксируется бегство простого народа из аула султана Сагат-Гирея. Причиной бегства выступили злоупотребления султана в отношении подвластных ему обществ. Волнения были подавлены с помощью воинских команд, прибывших по распоряжению командующего Усть-Лабинским участком [Кочкаев 1969: 10]. Схожие выступления простого народа против власти

ногайских султанов были зафиксированы и в наймановских, и в касаевских аулах на Кубани. В подобных случаях российская администрация шла по пути практической помощи представителям ногайской знати и принуждала народ к подчинению ногайским князьям и при необходимости выплате всех необходимых податей владельцам [АКАК. Т. 8. 1881: 775–778].

Таким образом, к середине XIX в. заметно меняется положение султанов в обществах кочевых ногайцев. Рост волнений в среде простого народа, а также планомерная политика администрации, направленная на постепенное отстранение султанов от власти, при формальном покровительстве ей, создание российского административного аппарата управления в ногайских обществах – все это сказалось на положении ногайских князей.

Важное место в социальной структуре ногайцев занимали мурзы. Мурзами у ногайцев выступали представители знати, в прежнее время являвшихся правителями племен и родов ногайского народа. Все ногайские общества были разделены между мурзами, которым они оказывали всевозможное уважение и были обязаны подчиняться. С вхождением в состав Российского государства мурзы продолжили составлять высший класс, из которого выбирались старшины, табунные головы и другие должностные лица. Н.Ф. Дубровин отмечает, что «все последние ведут род свой от Эдигея» [Дубровин 1871: 263].

По данным ногайских приставов в 1827 г. в Караногай-Едишкульском приставстве было 22 мурзы, в мангитовском, едисанском и едишкульском народах – 34, в калаусо-джембойлуковском и в едисанско-джембойлуковском народах соответственно по 24 мурзы в каждом [ГАСК Ф. 249. Оп. 3. Д. 853. Л. 7–21].

Местные власти изучали, фиксировали и закрепляли российскими законами характер взаимоотношений, сложившийся между привилегированными слоями населения и простыми ногайцами. С этой целью производился сбор сведений относительно податей и повинностей, которые несли простые ногайцы в пользу своих мурз [ПСЗРИ. Т. 2. 1830: 151–153; АКАК. Т. 8. 1881: 775]. Так местная администрация проявляла принцип невмешательства во внутреннюю общественную жизнь ногайцев, хотя и пыталась держать ее под своим контролем [Лиджиева 2018: 364–374].

Следует заметить, что ногайская знать освобождалась от участия в общей раскладке народных повинностей. Мурзы были неподсудны общественному и духовному разбирательству. Они освобождались от физических наказаний за совершаемые проступки. Преступления, совершаемые ими, разбирались в частном порядке на особых советах мурз [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 24–25].

Источники XIX века приводят многочисленные факты трансформации внутренних отношений привилегированных слоев населения и простого народа, которые подразделялись на отношения до вхождения в состав Российской империи и отношения после принятия российского подданства, когда происходит ослабление власти ногайской знати. Одной из основных причин, по словам современников, выступало обнищание ногайской элиты. Н.Н. Забудский писал: «Кроме почтения и весьма небольших подарков, мурзы не пользуются никою особенною властью», а в «последнее время они сильно начали падать в народном мнении от того, что некоторые из них по бедности, нанимаются в надсмотрщики табунов простых ногайцев» [Забудский 1851: 181].

Вследствие упадка экстенсивного кочевого скотоводства и разорения многих ногайских хозяйств в Предкавказских степях в первой половине XIX в. часть ногайской знати экономически перестает отличаться от простого народа. Важные изменения в социальных отношениях зафиксированы в записках пристава за 1839 г., где приводятся характерные данные замены сословного деления имущественным. Согласно сведениям, в одном из аулов Калаусо-Джембойлуковского приставства ногайский мурза имел в хозяйстве всего 2 лошади и 10 голов крупного рогатого

скота. В то время, когда его подвластные имели всех видов скота от 70 до 300 голов [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 25].

Постепенно власть мурз и султанов становилась номинальной, т.к. большинство из них разорялось и впадало в бедность, и только в силу традиций простые ногайцы продолжали доставлять им 2 мерки проса, арбу сена и арбу дров [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 967. Л. 1]. Частный пристав Абраменов, характеризуя ситуацию в калаусо-саблинских обществах, отмечал, что среди них достойными звания мурз было всего три семейства, хотя численность знати в обществах была гораздо выше, «будучи крайне бедны, они влекли свое существование и имели поведение», – которое, как отмечал пристав, – «одобрить нельзя» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1886. Л. 25].

Итак, в первой половине XIX в. часть привилегированных слоев ногайской знати вследствие потери своего основного богатства – скота – экономически перестает отличаться от простых ногайцев. В связи с этим падает их авторитет в обществе. Как представляется, обнищание ногайских элит являлось следствием ряда объективных причин. Во-первых, ограничение пастбищных пространств. Вследствие содержания многотысячных голов лошадей, крупного и мелкого рогатого скота на небольших пастбищах со временем земли истощались и становились беднее травой. Во-вторых, на количество скота у ногайцев сильно влияли природно-климатические условия. В частности, земли, населенные ногайцами Караногай-Едишкульского и Ачикулак-Джембойлукского приставства представляли собой безводные полупустынные территории. Помимо этого в ногайских степях были зафиксированные аномальные погодные условия, в следствии чего происходил массовый падеж скота в 1801, 1824–1825, 1842–1843, 1844–1845, 1864, 1875, 1892–1894, 1888, 1889 и 1911 гг. Бураны и засухи, а также участвовавшие в XIX в. эпизоотии скота окончательно подорвали благосостояние ногайских хозяйств [Джумагулова 2022: 385–387, Малявкин 1893: 158; Ребров 1845: 222, Прозрителев 1925: 22–24, 39–41].

В связи с охватившей бедностью, некоторые представители ногайской знати все чаще стали отступать от традиции вступления в брачные союзы только с представителями привилегированных слоев. В XIX в. были зафиксированы подобные союзы мурз с семействами подвластных им узденей и даже с семьями низшего сословия (азатов и кулов), из-за чего ногайская знать теряла уважение в общественном мнении [Сословное 2007: 42–43].

Отдельную социальную группу в ногайских обществах составляли сословия узденей (кайбаши) и асланбеков. Оба эти сословия хотя и состояли в подчинении мурз, но пользовались полной свободой. Они имели голос в общественных делах, а в военное время были ближайшими помощниками мурз, составляя их личный конвой [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2733. Л. 2–6; Сословное 2007: 44–45]. С падением власти и влияния мурз уздени и асланбеки перестают отличаться от простого народа – азатов [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1886. Л. 10].

Отдельными привилегиями в ногайских обществах владело духовенство. По мнению Н.Ф. Дубровина «после мурз второе место занимает духовенство: ахун, кадий или казий, эфенди и сохта (собственно ученик) или помощник эфендиев» [Дубровин 1871: 263]. Однако, в некоторых обществах, их власть даже превосходила ногайскую знать. Пристав Ахвердов в 1827 г. отмечал, что «почетными в магометанском народе лица первые духовенство, вторые мурзы, третьи старейшие в народе старики, головы, старшины» [ГАСК.Ф. 249. Оп. 3. Д. 708. Л. 3]. Численность духовенства зависела от желания каждого отдельного общества, т.к. содержание духовных лиц производилось за счет самих этих обществ [Кочекаев 1969: 21–22].

Важное место в социальной стратификации ногайских обществ принадлежало отдельному классу – байству. На фоне усилившейся имущественной

дифференциации в XIX в. в среде ногайцев утверждается группа крупных владельцев скота, не относившихся ни к султанам, ни к мурзам. Сосредоточив в своих руках табуны лошадей и стада крупного рогатого скота, они воздействовали даже на мурз, которым ранее подчинялись [Самойлов 1881: 1, 8].

Основные группы населения ногайцев составляли обособленные хозяйства кочевников-скотоводов, составляющих так называемый «простой народ». В зависимости от скотовладения, владельцы состоятельных хозяйств назывались азатами, менее обеспеченные скотом – кедеями и совсем не имеющих скота – байгушами.

Экономическое положение простых ногайцев можно рассмотреть на примере статистических сведений кочевых хозяйств Ачикулак-Джембойлуковского приставства за 1879 г. Так, к первой условной группе можно отнести байгушей, не имевших скота. Они составляли 15,07% от общего числа хозяйств. К ним примыкали семьи, имевших по одной голове скота – 19,39%. Данная категория населения полностью зависела от ногайского байства, обслуживавшая их стада, либо занимавшаяся отходничеством в ближайших городах. Ко второй условной группе можно отнести бедняков, имевших во владении от 2 до 5 голов скота, что также не покрывало потребностей среднего хозяйства. Они составляли 29,54% от общего числа хозяйств. Экономически независимые хозяйства, относились к третьей группе, которые имели в хозяйстве от 5 до 50 голов различного скота. Эти самостоятельные кочевые хозяйства, составляли основную опору мурз, носили название «простые ногайцы» и составляли 27,13% населения. К четвертой группе примыкали хозяйства, имевшие от 50 и более 1000 голов скота. Они представляли ногайское байство и составляли около 8,87% населения.

В Караногайском приставстве первая группа хозяйств составляла 26,97%, ко второй группе относилось 32,6%, к третьей – 27,61% и к четвертой – 12,82% [Бентковский 1879: 32].

Подобные тенденции были характерны для всех ногайских хозяйств Северного Кавказа. На 1913 кибиток (домов) ногайцев Калаусо-Джембойлуковского приставства по сведениям Н.Н. Забудского приходилось: лошадей – 3640 голов, рогатого скота – 19 760 голов, овец и коз – 12 830 голов; на 1875 кибиток калаусо-саблинцев приходилось: лошадей – 5600 голов, рогатого скота – 20 200 голов, овец и коз – 24 000 голов [Забудский 1851: 178]. Эти данные показывают характер бедственного положения значительной группы обществ ногайцев, называемых байгушами. Даже представители земельной комиссии характеризовали это состояние как крайняя бедность. Труд ногайского бедняка был дешев, порой байгуш работал за кусок хлеба и одну похлебку. Они выступали объектом использования как внутри обществ, так и за их пределами – русских, армянских купцов, а также местных землевладельцев [Кочекаев 1969: 33].

Примечательно, что именно эта группа населения первой среди ногайцев вошла в непосредственное соприкосновение с русскими земледельцами, выступая носителями важной исторической миссии культурного обмена.

Таким образом, к середине XIX в. в ногайских обществах выделяется класс богачей (знатных и не знатных), которых сословная принадлежность и имущественное положение объединяли в одной социальной группе. Противоположным классом были бедняки, не имевшие скота. Большая часть групп населения имела средние и меньшие хозяйства. Однако и они часто искали сторонние заработки, вступали в наем к богатым членам общества, либо шли на промыслы в города и русские селения.

В ногайском обществе существовали социальные группы, которые исчезли к середине XIX в. Ими были тарханы и сеиды. Тарханы, по данным пристава Ачикулак-Джембойлуковского приставства (1837) «ничто иное есть как вольноотпущенные холопы» [ГАСК. Ф. 249. ОП. 3. Д. 2584. Л. 40]. «По милости начальства» и за особые «заслуги» рабы могли получить звание тарханов и обзавестись

своими хозяйствами и семьями [Берже 1859: 486–488]. Ногайские тарханы освобожились от участия в общей раскладке народных повинностей и несения службы, они не могли быть подвергнуты телесным наказаниям [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2584. Л. 40].

Российская администрация, закрепив свои позиции в ногайских степях, уничтожила сословие тарханов «Уставом для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» (1827), чтобы они могли участвовать в общих народных повинностях [ПСЗРИ. Т. 2. 1830: 151–153]. Данный документ был зачитан частными приставами на народных собраниях во всех ногайских приставах. «Уставом...» исключалось также привилегированное положение сеитов, причислявших себя к потомкам пророка Мухаммеда [Нахаева 2000: 88–89]. Этот статус некоторые ногайцы получили от крымских ханов, вместе с регистром, подтверждающего права на звание и привилегии [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2584. Л. 38–39]. По данным частного пристава Пушкарева в 1828 г., собрание общества сеитов насчитывало 29 человек, и они «единогласно отозвались, что они не соглашаются и не могут нести повинности наравне с прочими, полагая каким-то по ихнему обряду дворянами» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 967. Л. 18–19]. Тем не менее в судебном порядке всех несогласных сеитов наказывали за неподчинение местным властям [Нахаева 2000: 88–89] и к середине XIX в. категория сеитов выбывает из социальной структуры ногайцев.

Отдельный слой зависимого населения в ногайских обществах составляли рабы, на русском языке называемых холопами или ясырями. Чаще всего ясыри появлялись у ногайцев «куплею, меною и просто разбоем» [Рудановский 1861]. Рабы, принадлежавшие прежде к султанам, мурзам и узденям именовались чагарами [Берже 1859: 486–488]. Точных сведений о числе рабов среди ногайцев мы не имеем. Известно, что по городу Кизляру и уезду числилось 197 азиатских холопов, в том числе 114 мужского и 83 женского пола [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2889. Л. 44–53]. У ногайцев ведомства генерал-майора Султана Менгли-Гирея в 1822 г. насчитывалось 868 холопов, в том числе 430 мужского и 438 женского пола. У ногайцев Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского пристава в 1838 г. насчитывалось 510 холопов, в том числе 296 мужского и 214 женского пола [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2889. Л. 7–15]. Таким образом, число рабов у ногайцев было невелико. Чаще всего они составляли прислугу, реже были заняты на пастьбе скота.

А.О. Рудановский в 1860-х отмечает, что рабство у ачиулак-джембойлуковских ногайцев ликвидировалось, на фоне неурожая и частых падежей скота. В итоге класс ясырей растворился в общей кочевой среде [Рудановский 1861]. Сходные сведения констатирует и А.П. Берже [Берже 1859: 496–497].

С установлением российской власти на Северном Кавказе центральные власти взяли курс на постепенную ликвидацию рабства в регионе. С этой целью в 1804 г. было издано распоряжение правительства о запрещении торговли закубанскими невольниками, а в 1808 г. приказало «всех ясырей считать свободными от рабства» [Шамрай 1907: 177]. В 1821 г. генерал А.П. Ермолов поручил статскому советнику Реброву собрать сведения (именные списки) о рабах, проживавших в Кавказской области. Также он распорядился, чтобы представители кочевых народов не приобретали себе новых ясырей, а также не продавали, уже имеющих, без разрешения пристава. Однако, в 1823 г. генерал А.А. Вельяминов предложил ногайцам купить горских пленных числом около 2 тыс. человек по цене от 150 до 250 рублей за каждого. Подобным распоряжением он перечеркнул прежние ограничения работорговли на Северном Кавказе и ногайцы, воспользовавшись возможностью, стали покупать себе новых холопов [Рудановский 1861].

В 1827 г. в Ставрополе для обсуждения вопроса о положении ясырей в кочевых обществах были собраны представители местных народов. Итогом этого собрания стало решение о том, что все рабы остаются у своих владельцев, однако

запрещалась их дальнейшая продажа. В особенности не позволялось продавать ясырей армянам и грузинам. Последние, не имевшие привилегий дворян, лишались этого права, согласно утвержденного 19 декабря 1827 г. областным советом законопроекта о ясырях (рабах), принадлежащих азиятцам. Таким образом, российская правовая система, в период инкорпорации кочевых обществ в социально-экономическую систему российского государства, пошла на уступки, сохраняя прерогативу владения рабами. Однако права пользования услугами холопов ограничивались некоторыми поправками. В частности, всем российским подданным позволялась выкупать невольников у кочевых народов, но выкупаемые ясыри прекращали именоваться рабами и становились подданными империи. Ясырям, принадлежащим по праву приобретения ногайцам, необходимо было прослужить определенное количество лет, после чего ясырь объявлялся совершенно свободным. Помимо этого, ногайским холопам предоставлялось право выкупа у владельца за 100 рублей [АКАК. Т. 7. 1878: 933–937]. Данное постановление получило резолюцию Государственного совета 17 мая 1835 г. «Об отношении кавказских ясырей или холопов к их владельцам» [ПСЗРИ. Т. 10 (1). 1836: 421–424].

В последующие годы, по мере укрепления позиций региональных властей на Северном Кавказе, местные власти предпринимали более решительные меры по ограничению и запрещению рабства в регионе. В результате воздействия и наставления некоторые владельцы рабов освобождали их без выкупа [Шамрай 1907: 235–236, 266–274].

По данным Ставропольского гражданского губернатора в начале 1865 г. всех ясырей в губернии оставалось 153 души обоего пола. Практически все они выслужили необходимые сроки, указанные в постановлении, и были освобождены от власти владельцев [Шамрай 1907: 242–243].

29 ноября 1866 г. император Александр II утвердил положение Кавказского комитета «Об освобождении ясырей Ставропольской губернии от зависимости их от владельцев и о распространении на них действия Положения 19 февраля 1861 г. об устройстве дворовых людей» [ПСЗРИ. Т. 41 (2). 1868: 314.]. Данное положение подвело итог большой и планомерной работы, проведенной имперской властью по ликвидации рабства в регионе.

Во второй половине XIX в. социальная структура ногайцев быстро трансформировалась на фоне разорения традиционных кочевых отраслей хозяйства: коневодства, овцеводства и разведения крупного рогатого скота. Кризис экстенсивного кочевоего скотоводства стал основным источником изменений в социальной структуре обществ кочевых ногайцев. Основными факторами упадка численности скота выступали сокращения пастбищных пространств необходимых для выпаса животных, природные явления (бураны и засухи), особенности климатических условий (особенности почв, доступность водных ресурсов), постепенно вводивших традиционные отрасли экономики ногайцев в состояние рецессии, а затем стагнации [Джумагулова 2022: 392–393].

Экономическое положение ногайцев Северного Кавказа ярко выражено в следующих сведениях. В 1874 г. в Караногайском приставстве кочевало 35 353 человека, из них 117 семей не имело даже ни одной лошади. Они составляли 22% от общего населения приставства. 99 семей имело от 20 до 50 лошадей, 61 семья владела лошадьми от 50 до 100 голов и 115 семей содержала от 101 до 200 лошадей. В этом же приставстве числилось 95 213 овец, при этом 70% караногайских семей не имело ни одной овцы, а 6% богатых караногайских семей имели от 200 до 500 овец каждая и всего 1% семей владело количеством овец от 2000 до 3000 штук [Сборник 1876: 24–25].

Богатыми среди ногайцев можно было назвать лишь 4% от всего народа, в их руках находилось 99% верблюдов, 70% лошадей, 40,9% крупного рогатого скота и 55% овец и коз. На долю остальных ногайцев приходилось лишь 34% всего скота [Капельгородский 1914: 50].

К концу XIX – началу XX в. имущественное неравенство среди караногайцев было настолько резко выражено, что привело к укрупнению социальной прослойки байгушей – нищих и бродяг. Из 5500 кибиток, т.е. караногайских семей, таких нищих было 500 семей. Они выживали, нанимаясь к богатым членам общества, а 3000 семей в приставстве занимались отхожими промыслами [Капельгородский 1914: 50].

У ногайцев Ачикулакского приставства в 1874 г. 86,91% полуоседлых ногайских семей не имело ни одной овцы, а среди кочующих ногайцев 70% семей не имело ни одной овцы в хозяйстве [Сборник 1876: 39–40].

Подобное положение наблюдались и в других обществах. В 1885 г. среди кубанских ногайцев было 1287 человек не имевших ни одной лошади в хозяйстве, 2269 человек имело по одной лошади, 31 человек – от 2 до 25 лошадей, 31 человек – от 25 до 50 лошадей и лишь незначительное число людей владело от 500 до 600 лошадейми [Народы 1957: 135].

В условиях сложного экономического и социального положения, наблюдавшихся у ногайцев с начала XIX в., часть ногайцев Северного Кавказа идет на радикальные меры – переселение в Османскую империю [Джумагулова 2015: 258–277]. Одной из наиболее важных причин, побудивших ногайцев к эмиграции, выступали изменения основных институтов власти и общества, затронувшие кочевые общества в процессе этатизации в административно-правовую систему Российской империи в первой половине XIX века. Ногайская знать боялась потерять власть над народом и холопами, и наиболее простым решением было переселение в страну, к которой она испытывала культурную и ментальную предрасположенность. Немаловажное значение в этом процессе сыграло разорение скотоводческих хозяйств ногайцев. В это время турецкие власти распространяли информацию о всяческой материальной помощи переселенцам [Джумагулова 2015: 262–263]. Таким образом, из четырех ногайских приставств, сформированных российской администрацией осталось два – Ачикулакское и Караногайское.

На рубеже XIX–XX вв. ногайцы перестают нести в пользу своей знати традиционные повинности. Источники сообщают, что «все мурзы уже лишены пользы от общества и уже ничего не получают от народа потому, что они исполняют повинность царскую» [ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2733. Л. 23–25]. К. Сталь также отмечал, что простые ногайцы отказываются нести традиционные подношения и повинности своим владельцам, т.к. несут ее в пользу российской администрации [Сталь 2014: 342].

Важно подчеркнуть, что в течении всего XIX столетия сословные институты кочевых ногайцев подвергались изменениям. Традиционная социальная структура обществ кочевых ногайских была изменена. Подобные тенденции были характерны и для других кочевников юга России в рассматриваемый исторический период [Лиджиева, Кидирниязов 2021: 74–87; Батыров и др. 2014: 26–30].

Таким образом, проведенное исследование позволяет автору сделать следующие выводы:

1. Социальная стратификация ногайцев Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. подверглась коренным изменениям. Основным фактором, повлиявшим на процесс трансформации социальных связей ногайцев стало обнищание значительной части ногайского населения, происходившего на фоне уменьшающегося пастбищного фонда, неблагоприятных климатических условий, а также повторявшихся на протяжении всего XIX – начала XX вв. бурянов, засух и эпизоотий, окончательно разоривших ногайские хозяйства.

2. На фоне кризиса экстенсивного кочевого скотоводства, достигшего ногайцев во второй половине XIX – начале XX в., экономическое положение широких масс ногайцев сильно ухудшается на фоне сокращения поголовья скота. Часть привилегированных слоев населения в следствии потери своего основного

богатства – скота – переходит в разряд «простых ногайцев». На фоне усилившейся имущественной дифференциации ногайцев в XIX в. утверждается социальная группа байства, сумевшая потеснить в социальной структуре общества привилегированные слои населения (султанов и мурз) и наряду с ними составить обновленную элиту ногайцев. К концу XIX – началу XX в. кроме небольших услуг и уважения, оказываемого народом, ногайская знать не пользовалась властью, которую имела ранее.

2. Административное реформирование отдельных социальных групп ногайцев (сеитов, тарханов и ясырей) российскими властями было направлено на их экономическую интеграцию в социально-экономическую структуру российского государства. Важно отметить, что преобразования, внедряемые центральными властями, проводились осторожными методами с учетом местных национальных и религиозных специфик.

3. На рубеже XIX–XX вв. и в начале XX в. происходят структурные изменения в жизни обществ кочевых ногайцев. Привилегированные слои населения, вследствие нивелирования значения высших сословий и утверждения власти российских административных институтов власти, утрачивают свою власть в обществах. Традиции постепенно уходили в прошлое, им на смену утверждалась имущественная дифференциация общества.

Список источников

АКАК — *Акты*, собранные Кавказской археографической комиссией: в 12 т. Тифлис: Типография главного управления наместника кавказского, 1878. Т. 7. 1011 с.; 1881. Т. 8. 1033 с.

Акты 1918 – *Акты* времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / собрал и редактировал А.М. Гневушев. Москва: [б. и.], 1918. Вып. 2. 421 с.

Батыров и др. 2014 – *Батыров В.В., Лиджиева И.В., Оконова Л.В.* Сословная структура калмыцкого общества в контексте государственной политики Российской империи XIX в. // *Известия АлтГУ*. 2014. № 4 (84). С. 26–30.

Бентковский 1879 – *Бентковский И. В.* Наши кочевники и их экономическое состояние // *Ставропольские губернские ведомости*: [газета]. 1879. № 32. С. 34–35.

Бентковский 1888 – *Бентковский И.В.* Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. 1. Ставрополь: Типография Губернаторского Правления, 1888. 134 с.

Берже 1859 – *Берже А. П.* Татарское племя на Кавказе // *Кавказ*: [газета]. 1859. № 87. С. 486–488.

ГАСК – *Государственный архив Ставропольского края.*

Джумагулова 2015 – *Джумагулова А.Т.* Причины и обстоятельства исхода ногайского населения в Османскую империю в 50–60-х гг. XIX в. // *В мире научных открытий. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. 2015. № 1 (1). С. 258–277.

Джумагулова 2019 – *Джумагулова А.Т.* Ногайская феодальная знать на российской службе (на примере деятельности генерал-майора Султана Менгли-Гирея) // *Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов*. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. Вып. 9. С.83–92.

Джумагулова 2022 – *Джумагулова А.Т.* Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков // *Научный диалог*. 2022. № 11 (7). С. 377–397.

Дубровин 1871 – *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Санкт-Петербург: Типография Департамента Уделов, 1871. Т. 1. Кн. 1. 640 с.

Забудский 1851 – *Забудский Н. Н.* Военно-статистическое обозрение Российской империи: издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Санкт-Петербург: Типография Департамента Генерального Штаба, 1848–1858. Т. 16. Ч. 5: Ставропольская губерния, 1851. 274 с.

- Капельгородский 1914 – *Капельгородский Ф.О.* Караногай // Записки Терского общества любителей казачьей старины. 1914. № 10. С. 43–53.
- Кочеев 1969 – *Кочеев Б.-А.Б.* Классовая структура ногайского общества в XIX – начале XX веков. Алма-Ата: Казахский государственный университет имени С.М. Кирова: кафедра истории СССР, 1969. 60 с.
- Лиджиева 2018 – *Лиджиева И.В.* Источники о нормотворческой деятельности иногородских органов местного самоуправления на Юге России в XIX – начале XX в. // Вестник архивиста. 2018. № 2. С. 364–374.
- Лиджиева, Кидирниязов 2021 – *Лиджиева И.В., Кидирниязов Д.С.* Кочевники Степного Предкавказья в период великих реформ в России // Вестник РУДН. Серия: история России. 2021. № 1 (20). С. 74–87.
- Малявкин 1893 – *Малявкин Г.* Караногай: Этнографический очерк // Терский сборник. 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 133–173.
- Народы 1957 – *Народы* Карачаево-Черкесии: Историко-этнографические очерки / под ред. П.И. Балтина и М.М. Сакиева. Ставрополь: Книжное издательство, 1957. 154 с.
- Нахаева 2000 – *Нахаева И.Б.* Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX – начале XX века: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.00. Ставрополь, 2000. 300 с.
- ПСЗРИ – *Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе.* 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг.: В 55 т. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 2. 1561 с.; 1836. Т. 10 (1). 917 с.; 1868. Т. 41 (2). 1411 с.
- Прозрителев 1925 – *Прозрителев Г. Н.* Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. Часть вторая. Ставропол: [б. и.], 1925. 66 с.
- РГВИА – *Российский государственный военно-исторический архив*
- Ребров 1845 – *Ребров А.Ф.* Зима 1844–1845 гг. на степях прикумских на Кавказе // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1845. № 3. С. 220–292.
- Рудановский 1861 – *Рудановский А.* О ясырях // Санкт-Петербургские ведомости: [газета]. 1861. № 235.
- Самойлов 1881 – *Самойлов А.А.* Сведения об инородцах-магометанах Ставропольской губернии, собранные Главным приставом подполковником Самойловым. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1881. 56 с.
- Сборник 1876 – *Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии* / Ставропольский губернский статистический комитет, под редакцией И.В. Бентковского. Ставрополь: Типография губернского правления, 1876. Вып. 7. 246 с.
- Сословное 2007 – *Сословное право горцев Кубанской области 1872–1903 гг.* // Генеалогия Северного Кавказа: историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. 2007. № 19. С. 3–122.
- Сталь 2014 – *Сталь К.* Этнографический очерк черкесского народа / Кавказ: Черкесия. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. Вып. 17. С. 331–400.
- Трепавлов 2013 – *Трепавлов В.В.* Орда самовольная: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2013. 224 с.
- Шамрай 1907 – *Шамрай В.С.* Историческая справка к вопросу о ясырях на Северном Кавказе и в Кубанской области и документы, относящиеся к этому вопросу / Кубанский сборник // Труды Кубанского областного статистического комитета. Екатеринодар, 1907. Т. XII. С. 167–256.

References

- Akty vremeni pravleniya tsarya Vasiliya Shuiskogo. (1606 g. 19 maya – 17 iyulya 1610 g.)* [Acts of the reign of Tsar Vasily Shuisky. (1606, May 19 – July 17, 1610)] / collected and edited by A.M. Gnevushev. M.: [b. i.], 1918. Issue 2. 421 p. (In Russian)
- Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissieyu:* v 12 t. [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission: in 12 vols]. Tiflis: Tipografiya glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1878. Vol. 7. 1011 p.; 1881. Vol. 8. 1033 p. (In Russian)
- BATYROV V.V., LIDZHIEVA I.V., OKONOVA L.V. *Soslovnaya struktura kalmytskogo obshchestva v kontekste gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi imperii XIX v.* [The Estate structure

of Kalmyk Society in the context of the State Policy of the Russian Empire of the XIX century] IN *Izvestiya AltGU*. 2014. № 4 (84). P. 26–30. (In Russian)

BENTKOVSKII I.V. *Istoriko-statisticheskoe obozrenie inorodtsev-magometan, kochuyushchikh v Stavropol'skoi gubernii. Nogaitsy. Chast' I* [Historical and statistical review of non-native mohammedans wandering in the Stavropol province. Nogais. Part 1]. Stavropol': Tipografiya Gubernatorskogo Pravleniya, 1888. 134 p. (In Russian)

BENTKOVSKII I.V. *Nashi kochevniki i ikh ekonomicheskoe sostoyanie* [Our nomads and their economic condition] IN *Stavropol'skie gubernskie vedomosti* [Stavropol provincial vedomosti]: [newspaper]. 1879. № 32. P. 34–35. (In Russian)

BERZHE A.P. *Tatarskoe plemya na Kavkaze* [Tatar tribe in the Caucasus] IN *Kavkaz*: [newspaper]. 1859. № 87. P. 486–488. (In Russian)

DUBROVIN N.F. *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze: v 6 t. Ocherk Kavkaza i narodov ego naselyayushchikh* [The history of the war and the rule of the Russians in the Caucasus: in 6 vols. An essay on the Caucasus and the peoples inhabiting it]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Departamenta Udelov, 1871. Vol. 1. Book 1. 640 p. (In Russian)

DZHUMAGULOVA A.T. *Prichiny i obstoyatel'stva iskhoda nogaiskogo naseleniya v Osmanskuyu imperiyu v 50–60-kh gg. XIX v.* [The reasons and circumstances of the exodus of the Nogai population to the Ottoman Empire in the 50–60s of the XIX century] IN *V mire nauchnykh otkrytii*. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki». 2015. № 1 (1). P. 258–277. (In Russian)

Dzhumagulova A.T. *Nogaiskaya feodal'naya znat' na Rossiiskoi sluzhbe (na primere deyatel'nosti general-maiora Sultana Mengli-Gireya)* [Nogai feudal nobility in the Russian service (on the example of the activities of Major General Sultan Mengli-Giray)] IN *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza. Sbornik nauchnykh trudov* [Archaeology and ethnology of the North Caucasus. Collection of scientific papers]. Nal'chik: Redaktsionno-izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2019. Issue 9. P. 83–92. (In Russian)

DZHUMAGULOVA A.T. *Osobennosti sostoyaniya ekonomiki nogaiskikh obshchestv Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vekov* [Features of State of Economy Of Nogai Societies of North Caucasus in 19th – Early 20th Centuries] IN *Nauchnyi dialog*. 2022. № 11 (7). P. 377–397. (In Russian)

Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraja [The State Archive of the Stavropol Territory]. (In Russian)

KAPEL'GORODSKII F.O. *Karanogai* IN *Zapiski Terskogo obshchestva lyubitelei kazach'ei stariny* [Notes of the Tersk Society of lovers of Cossack antiquity]. 1914. № 10. P. 43–53. (In Russian)

KOCHEKAEV B.-A.B. *Klassovaya struktura nogaiskogo obshchestva v XIX – nachale XX vekov* [The class structure of Nogai society in the XIX – early XX centuries]. Alma-Ata: Kazakhskii gosudarstvennyi universitet imeni S.M. Kirova: kafedra istorii SSSR, 1969. 60 p. (In Russian)

LIDZHIEVA I.V. *Istochniki o normotvorcheskoi deyatel'nosti inorodcheskikh organov mestnogo samoupravleniya na Yuge Rossii v XIX – nachale XX v.* [Sources on the normative activity of foreign local self – government bodies in the South of Russia in the XIX – early XX century] IN *Vestnik arkhivista*. 2018. № 2. P. 364–374. (In Russian)

LIDZHIEVA I.V., KIDIRNIYAZOV D.S. *Kochevniki Stepnogo Predkavkaz'ya v period velikikh reform v Rossii* [Nomads of the Steppe Pre-Caucasus during the Great Reforms in Russia] IN *Vestnik RUDN. Seriya: istoriya Rossii*. 2021. № 1 (20). P. 74–87. (In Russian)

MALYAVKIN G. *Karanogai : Etnograficheskii ocherk* [Karanogaytsy: An Ethnographic essay] IN *Terskii sbornik* [Tersky collection]. 1893. Issue 3. Book 2. P. 133–173. (In Russian)

NAKHAIEVA I.B. *Sotsial'naya stratifikatsiya u kochevykh narodov stepnogo Predkavkaz'ya v XIX – nachale XX veka* [Social stratification among the nomadic peoples of the steppe Pre-Caucasus in the XIX – early XX century]: PhD Diss. Stavropol', 2000. 300 p. (In Russian)

Narody Karachaev-Cherkessii: Istoriko-etnograficheskie ocherki [The peoples of Karachay-Cherkessia: Historical and ethnographic essays] / pod red. P.I. Baltina i M.M. Sakieva [Edited by P. I. Baltin and M.M. Sakiev]. Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1957. 154 p. (In Russian)

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe [The complete collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting]. 1649–1825 gg.: V 45 t. Saint-Petersburg: Printing house II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. 1830. Vol. 2. 1561 p.; 1836. Vol. 10 (1). 917 p.; 1868. Vol. 41 (2). 1411 p. (In Russian)

PROZRITEL'EV G.N. *Stavropol'skaya guberniya v istoricheskom, khozyaistvennom i bytovom otnoshenii. Chast' vtoraya* [Stavropol province in historical, economic and domestic terms. Part Two]. Stavropol': [b. i.], 1925. 66 p. (In Russian)

REBROV A.F. *Zima 1844–1845 gg. na stepyakh prikumskikh na Kavkaze* [Winter of 1844–1845 on the Prikum steppes in the Caucasus] IN Zhurnal sel'skogo khozyaistva i ovtsevodstva [Journal of Agriculture and sheep breeding]. 1845. № 3. P. 220–292. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. (In Russian)

RUDANOVSKII A. O yasyryakh [About slaves] IN Sankt-Peterburgskie vedomosti: [newspaper]. 1861. № 235. (In Russian)

SAMOILOV A.A. *Svedeniya ob inorodtsakh-magometanakh Stavropol'skoi gubernii, sobrannye Glavnym pristavom podpolkovnikom Samoilovym* [Information about the non-native Mohammedans of the Stavropol province, collected by the Chief Bailiff, Lieutenant Colonel Samoilov]. Stavropol': Tipografiya Stavropol'skogo gubernskogo pravleniya, 1881. 56 p. (In Russian)

Sbornik statisticheskikh svedenii o Stavropol'skoi gubernii [Collection of statistical information about the Stavropol province] / Stavropol'skii gubernskii statisticheskii komitet, pod redaktsiei I.V. Bentkovskogo [Stavropol Provincial Statistical Committee, edited by I.V. Bentkovsky]. Stavropol': Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1876. Issue 7. 246 p. (In Russian)

SHAMRAI V.S. *Istoricheskaya spravka k voprosu o yasyryakh na Severnom Kavkaze i v Kubanskoj oblasti i dokumenty, otnosyashchiesya k etomu voprosu* [Historical background to the issue of yasirs in the North Caucasus and in the Kuban region and documents related to this issue] / Kubanskii sbornik [Kuban collection] IN Trudy Kubanskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta [Proceedings of the Kuban Regional Statistical Committee]. Ekaterinodar, 1907. Vol. XII. P. 167–256. (In Russian)

Soslovnoe pravo gortsev Kubanskoj oblasti 1872–1903 gg. [Estate law of the mountaineers of the Kuban region 1872–1903] IN Genealogiya Severnogo Kavkaza: istoriko-genealogicheskii nauchno-referativnyi nezavisimyy zhurnal. 2007. № 19. P. 3–122. (In Russian)

STAL' K. *Etnograficheskii ocherk cherkesskogo naroda* [Ethnographic essay of the Circassian people] / Kavkaz: Cherkesiya. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (Poligrafservis i T), 2014. Issue 17. P. 331–400. (In Russian)

TREPAVLOV V.V. *Orda samovol'naya: kochevaya imperiya nogaev XV–XVII vv.* [The Unauthorized Horde: the nomadic Nogai Empire of the XV–XVII centuries.]. M.: Kvadriga, 2013. 224 p. (In Russian)

ZABUDSKII N.N. *Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii: izdavaemoe po vysochaishemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo shtaba* [Military Statistical Review of the Russian Empire: published by the highest order at the 1st Department of the Department of the General Staff]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Departamenta General'nogo Shtaba, 1848–1858. Vol. 16. Part 5: Stavropol'skaya guberniya, 1851. 274 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.Т. Джумагулова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, права и общественных дисциплин.

Information about the author

A.T. Dzhumagulova – Candidate Science (History), Associate Professor of the Department of History, Law and Social Sciences.

Статья поступила в редакцию 05.12.2022, одобрена после рецензирования 10.12.2022, принята к публикации 16.12.2022.

The article was submitted 05.12.2022, approved after reviewing 10.12.2022, accepted for publication 16.12.2022.